

Пушка отстреляла давно. И теперь домашнему мирно смотрела на меня с кровати. Ее господин теперешний, он же хозяин комнаты, сплошь заставленной предметами старины (Тут наберется почти на небольшой историко-краеведческий музей!), выкладывал все новые и новые вещицы: старинные книги, предметы быта, револьверные гильзы и

даже деревянную кобуру чуть ли не от маузера.

Эту пушечку-ручницу Андрей Иванов отыскал еще «я пионерах». У сажинско-

го моста, на берегу Чусовой.

— Эх, мне бы сейчас металлоискатель, — сокрушается Андрей. — Там еще остатки лафета были. Отыскать то место

Кладоискатель

хочу на речном берегу.

Глажу холодноватый и шершавый металлический ствол. Где же ты стояла, на кого глядела, боевая старушка? Может, со струга Ермаковского? Или вовремя сигналила баржам, плывшим по еще полноводной и чистой Чусовой?

(Рассказ о кладоискателе читайте на 2-й странице номера).

— Такие пушечки есть в Ревде, Ирбите, — уточняет Андрей. — В музеях. Я по уральским городам поездил. Первым делом иду в музей.

Пушка молчит, а вот часы старинные, после умелого ремонта, все еще говорят на своем механическом языке. На корпусе надписи с дореволюционными ятями: «Часы для России. Верный ход». Есть глубокий потаенный смысл в этом втором рождении. И одряхлевшие книги вдруг заговорят, если стряхнуть с них пыль веков и лет. Просто мы страшно нелюбопытны и поспешно пренебрежительны к прошлому, которое рядом, за заваленкой идущего на слом дома.

А вот он не такой. С детства, что ли? Дом родительский, двухэтажный, на четыре семьи, стоял на берегу городского пруда. «Лет пять было. Расширили с отцом погреб и нашли несколько царских монет. Вот и стал собирать по мелочи. Вначале монеты, потом другое. У меня профиль один — поиск. Считаю себя не коллекционером, а собирателем».

Я же его без всякой иронии называю после встречи кладоискателем. Глаз у Андрея наметанный, все-таки не год работал он в уголовном розыске. И вот сейчас, после восьмилетнего отсутствия, приехал в родной город и устроился кампером в кооператив «Синма». (В комнате повсюду инструменты, заготовка под шкатулку и уже готовые, мастерски сделанные его же руками). Для кого-то увлечение такое, возможно, покажется чудачеством. Бродит, к примеру, по Шайтанке, людей выспрашивает, особенно пожилых и... слово пролетит сквозь старые стены. Подушечка говорит: «Если клад попадется, конечно, не откажусь».

Пояжки и пуговицы с двуглавым орлом вышариваю на кладбище. Распятие оты-

скал в доме, где когда-то кваница была, шлаку много осталось. А это что? Разворачиваю «Карту Европейской России и Сибири. 1888 год». Родная точка, Первоуральск, обозначена как поселок Шайтанский. Уникальную карту эту, неплохо сохранившуюся, хотя и лежавшую многие годы в «обнимку» с грязью, он на-

с грустью поет бывший «ээк», ныне свободный волеизъявитель своих чувств Новиков.

— Видели нашу «красную» школу на горе? — спрашивает Андрей. — В восьмом микрорайоне? Там буквы сохранились... Разместилась в гражданскую контрразведка, расстреливали в подвалах коммуни-

сти святых бесцеремонно погрызли мыши — валялась в подполе. А вот эта, церковная, родовая у Ивановых. Бабушка подарила внуку. В этом же почетном ряду и летная форма деда, Григория Георгиевича Хамкина, погибшего в 1942 году.

Еще раз убеждаешься: вещи умирают после своих

Кладоискатель

шел на улице Емлина, неподалеку от автобусной остановки. Разумеется, не на дороге. Под крыльцом ее «вычислял».

— Хорошего много у нас было. Попрыгали, пораскидали, — слышу Андрея. — Обратите внимание, как отлично сохранились эти кокарды. Вот казачья, с остатками красной краски. Попалась и такне, что в руках ломалась. А нашел все эти значки сразу, в одном месте.

И нет такого, чтобы нашел и... снятал от людей, кое-что отнес из найденого Сергею Саблинцу, в старый дом, вокруг которого неприятные кивели страсти: сносить или нет, часть — на Новотрубный, в музей. В квартире хранить такое богатство, конечно, нежестко! И уже тесно здесь находкам. А где выставить? Настоящего историко-краеведческого музея в городе ведь нет уже более тридцати лет. И до сих пор никто не беспокоится по поводу отсутствия такого очага культуры и воспитания. Ни в горькое партии, ни в Совете, ни в отделе культуры...

Оттого и кричим: «боже, царя храни!» на семьдесят втором году со дня царевубийства. «Не хочу быть белым, не хочу быть красным»,

тов, сочувствующих.

— А слова, Андрей, каки?

— Вечная память. Я еще до армии этот дом фотографировал и обратил внима-

ние. Знать многое из прошлого и не шархатиться из одной крайности в другую помог бы работающий музей! Лучшее место, чем «красная» школа (теперь уже не школа), сегодня в Первоуральске не сыскать, свидет мой собеседник. Сам он, поистине рыцарь краеведения, отпочка цонска, готов не только воздвигнуть грущу ищетелей старины, но и готов быть нештатным сотрудником и экскурсоводом при музее.

Но это к слову. Еще о валахдах. Любопытнее детали! Вот рабочая бирка: «Уралмет, Урал-трубозавод, № 156». Ее оставил на память первоуральский Новотрубного. Ручкой. Это татарская утварь, объясняет Андрей, вид по своей импрозивированной выставке. Вот увеселитель и надежный замок с клеймом мастера. Вот бытки. Старики говорили Андрею, что играли такими в бабки. Писульки разные на них.

Книгой «Синтаксис русского языка» 1904 года, переломив пополам, затыкали дыру в полу. Книгу о жи-

владельцев, донося через годы их черты и привычки. «Книга для чтения учиника 1-го отделения. Григорий Злоказов. 1893 года» — знакомлюсь с хозяином одного из учебников. Прошью его за грамматическую ошибку за давностью лет. «Сия книга принадлежит екатеринбургскому механику Евлампии Евстигнеевичу Каширину. 1882 года, 9 декабря» — уже более обстоятельно выведено другой рукой. Черные чернила почти не потеряли своего цвета!

— Дурак! — красным карандашом черкнул кто-то на полях книги «Очерки мировой войны на суше в том мере, 1915 год». В таком же раздраженном духе прощелся карандаш и по другим страницам. Возможно, читатель тот далекий и незапамятный кормил вшей в окопах первой империалистической.

А эту стертую монету Андрей нашел накануне моего прихода. В городе блеснуло что то после дождя. Никто из горожан не обратил внимания. А он наклонился над... копеечкой 1869 года. Дляклада, конечно, маловато — не золотой червонец. Но это смотря что почитать за клад!

В. ГУБАЧЕВ.

Фото В. ЗОТОВА.